DOI: 10.17976/jpps/2019.05.11

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА. СУЩЕСТВО ПРОБЛЕМЫ

А.П. Клемешев, М.В. Ильин

КЛЕМЕШЕВ Андрей Павлович, доктор политических наук, ректор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, email: AKlemeshev@kantiana.ru; **ИЛЬИН Михаил Васильевич,** доктор политических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"; руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований, ИНИОН РАН, Москва, email: ilyin@politstudies.ru

Клемешев А.П., Ильин М.В. Трудности перевода. Существо проблемы. – Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 148-166. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.11

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект №17-18-01536.

Статья поступила в редакцию: 23.06.2019. Принята к публикации: 14.07.2019

Аннотация. Сбои и проблемы взаимопонимания в общении политиков и политологов рассматриваются в статье как вызовы политической науке. Авторы ставят целью статьи найти ответы на эти вызовы. В контексте этой задачи термин *перевод* обозначает адекватное понимание друг друга и самих себя в ходе политических взаимодействий. Проблема заключается в неизбежной относительности и неполноте перевода. Эти особенности коренятся в *необщительной общительности* (ungesellige Geselligkeit) Канта и связаны с принципом неполноты явлений, чреватой развитием (Т.У. Дикон). В то же время люди склонны связывать многие сбои и потери в процессе перевода со злонамеренностью или техническими ошибками, а не с основополагающей относительностью человеческого общения. Они с готовностью принимают иллюзию взаимно однозначного соответствия явлений, терминов, их смыслов и значений. Авторы рассматривают природу и параметры перевода и передачи смысла на примерах, во-первых, реинтерпретации Т. Парсонсом по-английски как "железной клетки" знаменитого выражения М. Вебера "стальной прочности панцирь". А также, во-вторых, интерпретации в процессе перевода с языка на другой язык таких понятий, как революция, Европа и Евразия, управляемость, полития, политика, политический курс, полиция. Перевод и интерпретация возникают в процессе динамичных переходов от развертывающихся online политических и коммуникативных процессов, с одной стороны, к offline институциональным и знаковым системам, с другой. Неустранимая относительность перевода, интерпретации и техник передачи позволяет переосмыслить проблемы вариативности и соответствия терминов и прочих инструментов общения и понимания. По итогам проведенного анализа авторы получают возможность представить формат перспективной серии публикаций "Трудности перевода".

Ключевые слова: институты, процессы, langue, parole, online, offline, субъектность, перевод, интерпретация, взаимно однозначное соответствие, изменчивость терминов, смысл, значение (референция).

Увидев заглавие статьи, читатель вспомнит, наверное, американский фильм с тем же названием. В оригинале было использовано устойчивое выражение *lost in translation*, которое означает буквально "утраченное при переводе". В фильме подразумеваются недоговоренности в человеческом общении, неизбежные утраты и упущенные возможности. Что же подразумеваем мы, два российских политолога? Какие трудности и какие потери мы имеем в виду? В ходе какого перевода и как возникают эти потери и утраты?

Под переводом мы разумеем адекватное понимание друг друга и самих себя в ходе политических взаимодействий и политических исследований. Соответственно трудности заключаются вовсе не в подборе слов, хотя именно с этого следует начинать и об этом заботиться, а в более фундаментальной проблеме разъединенности людей, политических общностей и образований. При всей своей привычности общение между людьми при понимании ими друг друга является крайне проблематичным. В самом деле, все мы – отдельные существа со своими внутренними мирами, опытом, устремлениями. Пробиться из одного мира в другой крайне трудно. Нужна открытость и взаимность обоих миров. А именно открытости и уязвимости мы страшимся. Этот антагонизм (*Antagonism*) противоположных устремлений людей общаться и отделяться друг от друга Иммануил Кант в работе "Идея всемирной истории во всемирно-гражданском отношении" охарактеризовал как *необщительную общительность* (*ungesellige Geselligkeit*): "Человек имеет склонность (*Neigung*) общаться (*vergesellschaften*), потому что в таком состоянии он больше чувствует себя человеком, т.е. ощущает развитие своих природных задатков. У него есть, однако, сильная тяга (*Hang*) *отъединяться* (*vereinzeln*), изолироваться (*isolieren*), так что он одновременно открывает у себя и необщительное свойство (*die ungesellige Eigenschaft*) все сообразовывать только со своим восприятием (*nach seinem Sinne*), а потому отовсюду ожидать сопротивления, поскольку по себе знает, что со своей стороны склонен сопротивляться другим"[1].

Для прояснения антиномичного столкновения общительности и необщительности Кант использует почти бытовые глаголы *общаться* (vergesellschaften) и *отъединяться* (vereinzeln), а не абстрактные философские термины. Их не было в немецком языке кантовской поры. Не было бы, вероятно, и по сей день, если бы Георг Зиммель не использовал слово *Vergesellschaftung* для того, чтобы обозначить им вступление индивидов в социальные отношения [Simmel 1908], а затем Макс Вебер в "Хозяйстве и обществе" [Weber 1922: 21-23, 194-215; Вебер 2016: 98-99; Вебер 2017: 38-81] не сделал бы его основополагающим понятием наряду с *Vergemeinschaftung*[2].

Эта двойная терминологическая пара совокупно выражала примерно то, что смутно подразумевал Кант. Ему было важно как можно более доходчиво и понятно передать читателям антиномию человеческих устремлений к общению и отсоединению. Он создает в сознании читателей образ человека, с которым каждому было легко ассоциировать себя и непосредственно ощутить ключевые человеческие устремления. Он прямо использует глаголы действия, подбирая

[1] Перевод наш, курсив Канта, немецкие термины добавлены нами, оригинал и альтернативный перевод см. в параллельном двуязычном издании [Кант 1993: 90, 91]. См. также еще один вариант перевода: "Человек имеет склонность *общаться с себе подобными*, ибо в таком состоянии он больше чувствует себя человеком, т.е. чувствует развитие своих природных задатков. Но ему также присуще сильное стремление уединяться (изолироваться), ибо он в то же время находит в себе необщительное свойство – желание все сообразовать только со своим разумением – и поэтому ожидает отовсюду сопротивление, так как он по себе знает, что сам склонен сопротивляться другим" [Кант 1995: 426]. Этот опыт сравнения нескольких независимых переводов сам по себе представляет интерес.

[2] Перевод парных понятий на русский язык затруднен. Первое обычно передается словом *обобществление* со всеми вытекающими последствиями экономических ассоциаций. "Противоположное ему 'Vergemeinschaftung', кажется, является новацией самого Вебера и никакому внятному переводу на русский не поддается" [Филиппов 2008: 88]. С легкой руки А.Ф. Филиппова в русском утвердилась пара *общность* и *обобществление*. На английском данная пара передается описательно *communal and associative relationships* [Weber 1978].

для них синонимы. Для слова *общаться* (vergesellschaften) – синонимичные выражения *чувствовать себя человеком* и *ощущать развитие своих природных задатков*. Для слова *отъединяться* (vereinzeln) – еще более длинный ряд, начинающийся с точного, прямо в скобках, синонима *изолироваться*, а затем *открывать у себя и необщительное свойство*, *все сообразовывать только со своим восприятием*, *отовсюду ожидать сопротивления*, наконец, самому *сопротивляться другим*.

Упреждая выводы данной статьи, отметим, что четкие категории и абстрактные понятия – лишь вершина долгого и многоэтапного процесса познания и понимания. А начинается он с образов и метафор. Мы склонны ожидать, что философ или ученый будут оперировать ясными и однозначными терминами. Трудность познания и общения между двумя антиномичными сторонами исследователя – человека еще не знающего и уже узнавшего – является движущей силой науки, коренным нервом познания.

С учетом современных представлений о развитии в биологии и в человеческих делах выдающийся американский антрополог Терренс Дикон в работе "Неполнота природы. Как разум произошел из материи?" [Deacon 2011] сформулировал принципы энтенциональности[3]: всякая неполнота предполагает возникновение чего-то, что ее восполнит. Всякий сбой развития проявляется двусмысленно: и как фантом деградации, и как намек на обновление. Если на вызов подобного призрака или признака деградации нет адекватного ответа или даже ответа вообще, то фактом становится деградация. Если же возникшие упрощенные формы или явления начинают использовать свои незагруженные (освободившиеся) в результате сбоя возможности, то их новое и неожиданное применение может создать основу для нового шага эволюции.

Возможность восполнения начинает действовать как целевая причина и движет вперед эволюцию. Вместо дарвиновского жесткого отбора действует мягкий или расслабленный (*relaxed selection*)[4]. В этой логике получается, что если мы смирились с потерями в ходе перевода, то крайне маловероятно, что положение улучшится. Если же мы сознаем, что было утрачено и что требуется восполнить, то наши усилия вполне ожидаемо дадут адекватные результаты, и мы сможем предложить перевод – вполне оригинальный и новаторский. В итоге потери могут обернуться находками, а сознательный контроль и критика позволят найти нетривиальные решения.

Общий замысел и дальнейшее построение этой статьи, вступительной к серии последующих публикаций, заключается в следующем. За преамбулой с постановкой задачи находить ошибки и искать пути их исправления

[3] Понятие энтенциональности (*ententionality*) или предназначенности предложено Диконом по аналогии с созданным еще Францем Брентано [Brentano 1874] понятием интенциональности (*intentionalität*) или преднамеренности, который в свою очередь использовал разработанную еще схоластами идею модуса нацеленности сознания на предмет, его преднамеренной желанности [Deacon 2011: 233]. Сам Терренс Дикон развертывает и удваивает это отношение, дополняя его нацеленностью самой реальности-действительности на восполнение наличной в ней самой нехватки и называя эту нацеленность энтенциональностью. Крайне грубо и прямолинейно можно охарактеризовать энтенциональность как объективную и неслучайную предназначенность в отличие от субъективной и произвольной интенциональности, а слова *энтенциональный* и *энтенция* – переводить как *предназначенный* и *предназначение*.

[4] Жесткий отбор, как было много раз показано, использует случайные пробы и ошибки, крайне затянут, а получение полезных свойств маловероятно на фоне множества неудачных попыток. Мягкий же отбор строится на неслучайном восполнении нехватки, достаточно быстр и целенаправлен. Подробнее см. [Deacon 2010; Deacon 2011; Deacon 2017], см. также [Золян 2019] и другие материалы ежегодника МЕТОД за 2019 год.

последует небольшой раздел о типичных ошибках и потерях при переводе. Далее будут рассмотрены природа и параметры перевода и последующего политического общения и понимания. Подробнее будет рассмотрена роль дистанции общения и модусов понимания. С точки зрения техники перевода и трансфера будут рассмотрены вариантность и эквивалентность терминов и прочих инструментов нашего общения и понимания[5].

Наконец, будет намечен формат серии публикаций "Трудности перевода".

ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ И ПОТЕРИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Поиск путей для восполнения потерь при общении и понимании есть одна из важнейших задач политической науки, а само восполнение – задач политической практики. Первым шагом в этом направлении является выявление опасных деформаций наших привычных способов и средств общения и мышления, прежде всего слов и выражений, фигур речи и мысли. Потери во многом объясняются широким распространением иллюзии, будто термины политики и политической науки легко транслитерируются, однозначно определяются и без затруднений воспроизводятся в иных лингвокультурных средах.

В своем взаимодействии современные политики, самозванные "политологи-из-ящика", "политологи-как-астрологи" и даже "политисты-как-экономисты"[6] нередко совершают ошибки превратного переименования важнейших явлений, событий и институтов в нечто совершенно отличное от действительности. Законопослушные критики и протестанты превращаются в иностранных агентов или в подрывные элементы, а защитники свободы – в террористов. И наоборот – разрушительные нарушения законов и самого права неожиданно оборачиваются похвальными революциями разных цветов. Навязывание представителям других культур и политических образований своих порядков одни назовут экспортом демократии или государственного строительства, а другие – вмешательством во внутренние дела и гибридной войной.

Реже такие ошибки совершают представители строгой политической науки, но и тут их количество угрожающе велико. Зачастую даже в серьезных политических исследованиях приходится следовать за принятыми лексическими нормами, что ведет к неизбежным "утратам при переводе" с научного на обыденный язык, и наоборот.

Впрочем, даже профессиональное сообщество не застраховано от сбоев и ошибок. Один из соавторов приводил уже пример переводческой "ошибки" классика мирового обществоведения Толкотта Парсонса [Ильин 2014]. Он начал переводить "Протестантскую этику и дух капитализма", скорее всего, в середине 1920-х годов в Гейдельберге во время работы над диссертацией о понятии капитализма в новейшей немецкой научной литературе. Сам перевод Парсонс опубликовал только в 1930 г., когда уже работал в Гарварде [Weber 1930]. Фразу своего научного кумира "*Aber aus dem Mantel ließ das Verhängnis ein stahlhartes Gehäuse werden*" [Weber 1920: 202] молодой американский социолог перевел следующим образом: "*But fate decreed that the cloak should become an iron cage*" [Weber 1958: 181].

[5] Диапазон семиотических средств понимания и концептуализации крайне широк, он простирается от мифов, где выражающее и выражаемое неразрывно переплетены и слиты, до терминов, где обозначающее и обозначаемое четко разведены и поставлены в соответствие, близкое, по возможности, идеалу взаимно однозначного соответствия.

[6] Об этих квалификациях подробнее см. [Ильин 2013].

Различия заключаются не только в выборе эквивалента для веберовского выражения *ein stahlhartes Gehäuse*. Парсонс ищет эквивалент для всей мысли Вебера, внося при этом свою интерпретацию в перевод. Его фраза выстроена в привычном порядке: субъект-подлежащее, сказуемое, а за ним вместо прямого дополнения придаточное предложение, в котором опять следуют субъект-подлежащее, сказуемое и прямое дополнение: "Судьба предрешила, что плащ должен стать железной клеткой".

У Вебера все иначе. Он буквально выкручивает привычный порядок слов ради эмфазы и тем самым выстраивает альтернативную логическую последовательность. Даем кальку не только слов, но и их порядка: "Но из этого плаща дозволила судьба некому стальной прочности панцирю возникнуть". Исходный момент – плащ с определенным артиклем, о котором подробно говорится в книге. Далее инверсия – сначала глагол, а только следом за ним подлежащее. Потом идет дополнение с неопределенным артиклем. А завершает всю конструкцию сказуемое придаточного предложения. При всей выразительности контраста между плащом и панцирем для Вебера куда важнее парадоксальное выкручивание исторического превращения буквально наизнанку. Он проблематизирует это превращение и одновременно расширяет его смысл до двусмысленности.

Интерпретация (по-английски *interpretation* –это как раз перевод, только устный) структурного функционалиста Парсонса акцентирует иной тип логики. Ему куда важнее прямота, четкость и ясность, чем двусмысленные парадоксы. Отсюда рациональная прозрачность конструкций его перевода и стремление предельно конкретизировать образы за счет их главных свойств. Альтернативы – то ли панцирь, то ли футляр, то ли латы (а может быть, даже и стальной корпус фордовского автомобиля?) Парсонс превращает во вполне недвусмысленную железную клетку. Этот образ, возможно, лучше и точнее веберовского передает логику капиталистической дисциплины и самодисциплины. Это стало находкой Парсонса. Однако превращение далеко не одномоментно и одномерно. Создатели капиталистических порядков были сначала "капиталистами поневоле" (*capitalists in spite of themselves* [Lachmann 2000; Лахман 2010]), потом стали гениями предпринимательства и, наконец, превратились в рациональных максимизаторов выгоды (*rational utility maximizers*), заключающих себя, а с собою всех и вся в железную клетку логики капитала.

Разумеется, это только один момент. Подробнее замена метафоры прочного как сталь футляра на железную клетку рассматривалась в целом ряде сочинений [Tiryakian 1981; Turner 1982; Kent 1983; Chalcraft 1994; Klagge 1997; Baehr 2001; Kaelber 2002; Tribe 2007; Ossewaarde 2010; Douglass 2016; Ross 2017].

Нельзя не признать, что ответственность за переводческую "ошибку" с Т. Парсонсом делят и сам М. Вебер, и ухватившиеся за образ железной клетки их ученики и последователи. Дело в том, что для Вебера вообще свойственно писать о крайне сложных для научного анализа предметах избыточно красиво, а значит и нестрого. Он обратился к метафоре смены мягкого плаща жестким футляром или даже стальными латами, чтобы показать специфический момент консолидации нового, капиталистического типа доминирования в виде личностных установок героев и жертв рассматриваемого им исторического поворота. Об этом крайне сложном для научного анализа процессе в его время было, может быть, трудно писать слишком взвешенно и четко. Не

было не только языка для этого, но даже сами описываемые процессы еще не "остыли" и были опасно горячи.

Как бы то ни было, утраты, связанные с деформацией отдельных понятий и их когнитивных схем, одновременно создают неосвоенные смысловые пространства, которые могут в соответствии с принципом восполнения неполноты либо истощаться, либо насыщаться новым содержанием. При инициативном и одновременно критическом настрое пользователи способны создать нечто новое. Так, пресловутые "ошибки" Парсонса-переводчика обернулись его находками как исследователя. Именно эти "ошибки" стали отправной точкой для возникновения не только понятия "жесткие институциональные ограничения" и термина *iron cage*, но и других удачных подходов к институциональным ограничениям, порожденным агрессивной динамикой капиталистического образа жизни и мышления. Хотя Вебер четко связывает упоминаемый Ричардом Бакстером[7] плащ, а значит и стальной прочности панцирь с заботой о внешних благах (*die Sorge um die äußeren Güter*), под *железной клеткой* стали понимать капитализм, а также продвигаемые им технологии, рациональность, инфраструктуру, бюрократию и многое другое. Метафора *стальной клетки* стала зародышем большого количества оригинальных и плодотворных направлений научных поисков, отразившихся в немалом количестве ценных и нетривиальных работ. Вот их краткий и заведомо неполный перечень (даже беглый их обзор далеко выходит за пределы формата статьи): [Mitzman 1970; DiMaggio, Powell 1983; Scaff 1989; Feenberg 1998; Prasad, Prasad 2000; Boiral 2003; Parenti 2004; Maley 2004; Reed 2005; Ashworth, Boyne, Delbridge 2009; Ritter 2012; Gamble 2013; Yüksel 2014; Takahashi 2015; Breen 2016; Morawski 2016; Ross 2017; Douglass 2018 etc.].

Иллюзия взаимно однозначного соответствия

Приведенный выше пример, вкупе с цепочкой вытекающих из него следствий, побуждает поставить вопрос о том, нет ли некой естественной причины, которая обусловливает сбои и потери при переводе. Ею является наше привычное желание лучшего и совершенного. Мы хотим такого перевода, который был бы безупречен и точен: нужны только добрая воля и решительность. Конечно, это иллюзия. Ее формула известна: хотели как лучше, а получилось как всегда.

В случае с переводом иллюзия безусловного совершенства выражается в практической ориентации на взаимно однозначное соответствие[8] каждого элемента исходного текста соответствующему элементу создаваемого. Более

[7] Ричард Бакстер (1615-1695 гг.) – пуританский богослов, церковный деятель, поэт и полемист. Вебер обильно цитирует его. Только в главе об аскезе он упоминает его шесть десятков раз. Русскому читателю доступен перевод одного из его богословских сочинений [Бакстер 2010]. Перевод самого Вебера из "Вечного покоя праведников" (1650 г.) неточен. Бакстер, процитировав апостола Павла о сребролюбии, далее пишет: "*Keep these things loose about thee as thy upper garments, that thy mayest lay them by ever there is need*" [Baxter 1872: 227-228]. Здесь речь идет не о тонком плаще на плечах праведника (*ein dünner Mantel... um die Schultern seiner Heiligen*), а всего лишь об одеждах (*upper garments*), которые можно сбросить в случае нужды.

[8] Взаимно однозначное соответствие, или биекция (*bijection, one-to-one correspondence)* – это отображение, при котором каждому элементу одного множества соответствует ровно один элемент другого множества, а также происходит обратное отображение с тем же самым свойством. Когда между двумя множествами установлено взаимно однозначное соответствие, такие равномощные множества оказываются неразличимы.

того, подобное же соответствие постулируется относительно не только всех слов и выражений, но также их значений (референций, соответствий в действительности) и смыслов (соответствий в сознании). Однако на деле соответствия оказываются неоднозначными и относительными [Золян 2019].

Различения могут строиться на разных основаниях и процедурах. Самое простое, а значит фундаментальное различение является бинарным. Так, Фердинанд де Соссюр различал вокализованное обозначающее (*signifiant*) и ментальное обозначаемое (*signifié*). Между ними, разумеется, нет взаимно однозначного соответствия. Знак, комплекс обозначающего и обозначаемого, обладает свойством произвольности связи между означающим и означаемым. Между ними нет естественной, непреложной и "объективной" связи, а она всегда субъективна, опосредована людьми и их коммуникативной деятельностью.

Впрочем, Соссюр на этом различении не останавливается. Он опровергает ходячее мнение, будто язык есть просто собрание слов, которые выступают лишь в качестве *ярлыков* вещей и явлений. Будь это так, то биекция была бы возможна. Тогда бы слова одного языка всегда однозначно соответствовали словам другого. Никаких трудностей перевода не возникало бы. Однако такие трудности, как мы знаем, не только существуют, но и неизбежны. Это связано с тем, что обозначаемое фактически имеет еще две стороны – значение (*signification*) и значимость (*valeur*). Значение формирует для означающего означаемое. Значимость же возникает из отношений знака с другими знаками или единицами языка. Соссюр сравнивает знак с листом бумаги, где значение уподобляют отношениям между лицевой и оборотной сторонами листа, а значимость выражается в отношениях между разными листами. Он подчеркивал, что "для определения значимости слова недостаточно констатировать, что оно может быть сопоставлено с тем или иным понятием, то есть что оно имеет то или иное значение; его надо, кроме того, сравнить с подобными ему значимостями, то есть с другими словами, которые можно ему противопоставить" [Соссюр 1999: 115]. И дальше пояснял: "Для подтверждения этого достаточно немногих примеров. Французское слово *mouton* 'баран', 'баранина' может совпадать по значению с английским словом *sheep* 'баран'[9], не имея с ним одинаковой значимости, и это по многим основаниям, в частности потому, что говоря о приготовленном и поданном на стол куске мяса, англичанин скажет *mutton,* а не *sheep.* Различие в значимости между англ. *sheep* и франц. *Mouton* связано с тем, что в английском наряду с *sheep* есть другое слово, чего нет во французском" [Соссюр 1999: 115-116].

Сходным образом Соссюр мог бы показать разницу в значимости французского слова *révolution* и английского *revolution*. Англичане издавна различали множество партикулярных версий кризиса, чреватого полным или частичным изменением политического строя или властного контроля. Это *revolt*, *rebellion*, *insurrection*, *riot*, *uprising*, *mutiny*... Список останется неполным. Да и сама английская революция середины XVII в. известна под разными названиями: от *English Civil War* и *Great Rebellion* до *English Revolution*. Впрочем, последнее название является позднейшим. А впервые современники назвали революцией события 1688-1689 гг., дав им гордое имя *Glorious Revolution*. Наличие множества синонимов, различных обозначающих для одного обозначаемого

[9] Не совсем точно переведено в силу расхождения значимостей. Следовало бы переводить "овца", так как "баран" по-английски именуется *ram*. Собственно, в английском пара слов *sheep* и *ram* соответствует в русском паре *овца* и *баран*.

дифференцирует значимость и создает контексты. Это позволяет учитывать прагматическую составляющую. Семиотическая или лингвистическая прагматика предполагает обозначение отношений участников коммуникации друг к другу через используемые ими знаки. В нашем случае выбор исследователем слова *revolution*, *rebellion*, *insurrection* или *riot* не только фиксирует различный тип кризиса, но и обозначает отношение данного исследователя к принятым в академическом сообществе конвенциям, а значит сложившимся подходам, школам, теоретико-методологическим установкам. В социальной семиотике соответствующие усилия именуются *логономическими*, т.е. устанавливающими логику социальных отношений. Сами же эти практики создают и поддерживают логономические системы, а они отражают уже не столько знаковую, сколько социальную структурированность и функциональность общения. В примере с железной клеткой, как и в случае выражений *рациональный выбор*, *социальный выбор* или *игра норм* [Axelrod 1986], исследователь обозначает свою позицию в академическом мире, свое отношение к соревнованию научных парадигм и подходов.

В случае же с революцией сразу вспоминаются строки С.Я. Маршака: "Мятеж не может кончиться удачей, – В противном случае его зовут иначе". Англичанин может назвать кризис середины XVII в. мятежом, гражданской войной или, редко, революцией. А ученый-историк или политический компаративист будет выбирать из более разнообразного перечня терминов (*Great Civil War*, *English Civil War*, *English Civil Wars*, *British Civil Wars*, *Wars of the Three Kingdoms*, *Great Rebellion*, *English Revolution etc.*), фиксируя свои научные позиции.

Использованное Маршаком слово *мятеж*, да и вся структура эпиграммы существенно отличаются от оригинала. Джон Харингтон (1560-1612) использует слово, даже, точнее, юридический термин *treason* (государственная измена): "*Treason doth never prosper: what's the reason? Why, if it prosper, none dare call it treason*". Более "точный" перевод предложен Юрием Георгиевичем: "Изменнику не преуспеть! – ведь коль он преуспеет, Никто изменником назвать его не смеет"[10]. Что же касается государственной измены, то победившие в гражданской войне круглоголовые устроили суд над проигравшим королем Карлом I. Они руководствовались похожей логикой, исходя из базового юридического принципа, что король не может творить преступления (*The king can do no wrong*). Раз была предпринята попытка злоупотребления личной властью вопреки интересам Англии, то совершивший это не может являться королем. Тем самым Карл Стюарт сам себя лишил прерогатив, и частное лицо Карл Стюарт подлежит суду за государственную измену [Gardiner 1906: 371-374, 377-380]. Воистину – изменнику не преуспеть.

Богатство английской концептуализации кризиса властного авторитета не означает, что эта ситуация исключительна. Даже во Франции, где слово *révolution* в силу исторических причин вне конкуренции, в ходу также слова *révolte*, *rébellion*, *insurrection* и даже особый термин *coup d'État*, ставший поистине интернациональным. Существуют и крайне своеобразные способы концептуализации революции, например, *grand soir* (великий вечер). Это выражение связано

[10] Георгиевич Ю. Мятеж не может кончиться удачей? Товарищ Маршак искажает. – *Журнал "Самиздат"*. 30.10.2017. URL: http://samlib.ru/j/jurij_georgiewich/mjatezh.shtml (accessed 08.08.2019). Сам Харингтон сообщает в письме принцу Генриху, будто бы обнаружил это двустишие в бумагах деда, чей отец, т.е. прадед поэта, сражался в Войне Роз на стороне проигравших, оказался изменником и потерял 25 богатых поместий.

с идеей Судного Дня, с эсхатологическими и милленаристскими традициями христианства. Эти традиции были оживлены и подпитаны подъемом левого движения, прежде всего анархизма в конце XIX в. Получили распространение ожидания окончательной и бескомпромиссной революции в конце века, а само выражение стало на многие десятилетия синонимом революции [Carrier 2017].

Понятия кризисов, революций, реформ и всякого рода преобразований станут предметом отдельных статей серии "Трудности перевода".

ПРИРОДА И ПАРАМЕТРЫ ПЕРЕВОДА

В обыденном сознании перевод связан исключительно с речевой деятельностью[11] по превращению одних текстов в другие путем прямых соответствий элементов одного текста элементам другого, примерно как это делается в машинном переводе. Действительно, речевые практики и процедуры, включая алгоритмы поиска соответствий, находятся в центре переводческой деятельности, однако при полноценном человеческом переводе одновременно задействованы и многие другие процессы от ментальных и психологических до вполне прагматичных, связанных с сутью тех дел, которые обеспечивает перевод. Попробуем разобраться, что же происходит при осуществлении перевода.

Начать уместно с прояснения внутренней формы слов *перевод* и *translation* (*translatio*), которая соответствует когнитивной схеме соответствующих явлений. Эта схема предполагает некое перемещение (перенос, перевод, передачу, передвижение). Однако прежде, чем выяснять, что, куда и зачем перемещается, вглядимся в сами слова. Внутренняя форма, как обычно, наглядна и образна. Если взять три языка – греческий, латынь и русский, – то она практически идентична. Всюду используется образ переноса. Соединяются близкие по смыслу предлоги (*μετα-*, *trans-* и *пере-*) с корнями-этимонами, означающими процесс несения.

В греческом это *μεταφορά*. В латыни это *trānsferēns* (активное причастие "переносящий"), *trānslātus* (пассивное причастие "перенесенный") и *trānslātum* (супин "подлежащее переноске"), от которого произошло слово *trānslātiō* ("переноска, передача, перевод")[12]. В латыни и греческом это один и тот же корень, восходящий к индоевропейскому **b ʰer-*.

[11] Выражение *речевая деятельность* практически стало весьма неудачным терминологическим эквивалентом соссюровскому *langage*, который швейцарский лингвист использует для обозначения языка, фундаментальной человеческой способности общаться, выделяя при этом два его проявления – разворачивающуюся во времени речь (parole) и наличную в общем сознании общающихся систему правил порождения речи, или *langue*. Это новаторский термин-усечение от слова *langage* (язык), который можно удачно передать по-русски похожим усечением – яз. Вот еще пример трудностей перевода. В данном же контексте мы используем выражение *речевая деятельность* в его прямом смысле как совокупный набор речевых практик.

[12] В парадигме латинского супплетивного глагола третьего спряжения *trānsferō*, *trānsferre*, *trānstulī*, *trānslātum* используются на первый взгляд три разных корня *fer-*, *tul-* и *lat-*. Однако тут два корня. Первый *fer-* (от и.-е.**bʰéreti* – сразу узнается наше слово *брать*), а два других – это варианты, связанные с глаголом *tollō*, *tollere*, *sustulī*, *sublātum* («поднимать, убирать, разрушать»). Его возводят к и.-е. прилагательному **tl̥h₂tós* («поднятый, переносимый»), состоящему в свою очередь из корня **telh₂-* «тащить» и суффикса **-tós*. Супплетивные, использующие разные корни парадигмы характерны для ключевых слов индоевропейских языков. Так, глагол *быть* (**bʰúHt*) использует еще и корень **h₁es-* (аз *есмь*, он *есть*, они *суть*). Это следы активного строя, когда активность и инактивность выражались не грамматически, а лексически. Например, обжигающий активный огонь (и.-е. **h₁ngʷnís*, наш *огонь* и латинский *ignis*) и огонь пекущий, например, людьми сделанный костер (и.-е. этимон **péh₂wr̥*, который дал греч. *πῦρ*, а потом *пиротехника*, англ. *fire*, наши слова *пир* – трапеза вокруг костра, *пирог* – результат запекания, как *творог* – результат створаживания, «схватывания, формирования, творения» от и.-е. корня **twerH-* , т.е. обработки в сосуде, форме, ср. чешск. *tvořidlo* «сосуд для сыроварения» и фр. *fromage*, ит. *formaggio* от средневекового латинского слова *formaticum* от лат. *forma*).

В русском языке мы успешно транслитерируем слова того же ряда: метафора, трансфер и трансферт, а также трансляция. Но происхождение соответствующих слов собственно русского языка (*перевод, перенос и передача*) иное.

Корень первого слова восходит к праславянскому этимону **vesti* ("вести"), который в свою очередь произошел из индоевропейского **wed*^{h} ("вести").

Корень второго слова самым прямым и очевидным образом связан со своим праславянским источником **nesti* ("нести"). Тот образовался из индоевропейского этимона **(e)nek* со значениями "достигать, прибывать, носить" ([Этимологический словарь... 1999: 19-23] со ссылкой на словарь Покорного [Pokorny 1959: 316-318]).

Корень третьего слова практически совпадает с праславянским этимоном **dati* ("дать"), а тот в свой черед образован от индоевропейского **deH*$_{3}$ ("дать").

Как бы то ни было, во всех случаях когнитивная схема примерно одна: либо некий агент несет нечто из одного места в другое, либо он ведет нечто за собою в новое место, либо он берет нечто в одном месте, а затем дает его кому-то в другом. В интересующем нас ракурсе понимания происходит перемещение смыслов и значений из одного концептуального пространства в другое. В чем же смысл переноса? Зачем что-то требуется переносить?

Затем, чтобы восполнить нехватку, прежде всего нехватку смыслов и понимания. Перечисленные выше метафоры о метафорах и переводах издавна служили для концептуализации и прояснения того, каким же образом люди понимают друг друга. Ответ дается с помощью разных образов и ассоциаций, но во всех случаях он касается восполнения нехватки знания, понимания и смысла чем-то способным их заменить.

Разумеется, подобные замены весьма несовершенны и не безошибочны, а само восполнение нехватки смыслов и знаний на поверку зачастую частично и неокончательно. Можно вообще говорить об относительности трансфера, метафоры и перевода [Золян 2019]. Однако именно эта относительность позволяет нам постоянно пересекать пределы речи и мысли то в одну сторону, то в другую. Это осуществляется в том числе за счет оязыковления (*languaging*) и переязыковления (*translanguaging*). Данные термины выражают нахождение адекватного, "правильного" способа использования средств одного из языков – в первом случае, или средств разных языков, – во втором. Фактически оязыковление и тем более переязыковление сопряжены с сериями попыток найти адекватное выражение за счет перебора альтернативных возможностей. Это очень похоже на то, как младенцев учат говорить [Rączaszek-Leonardi et al. 2018].

Следовало бы, вероятно, сделать логичный шаг: от трактовки переходов только в лингвистических терминах *оязыковления* к их трактовке также и в когнитивных терминах *осознавания* и *пересознавания*, а затем и к использованию социальных и политических терминов *обобществления* и *переобществления*, *политизирования* и *переполитизирования*, как бы непривычно это ни звучало.

УСЛОВИЯ И МОДУСЫ ОБЩЕНИЯ И ПОНИМАНИЯ

Необщительная общительность свойственна только людям, хотя многие живые существа в большей или меньшей степени испытывают противоречивое воздействие двух инстинктов – выживания особи и выживания вида. Этот конфликт у развитых животных проявляется в виде антагонизма индивидуальных и социальных инстинктов. Можно сказать, что первые толкают особь к чему-то

подобному необщительности, вторые – к общительности. Превращение непримиримого антагонизма инстинктов выживания в паллиативно используемую антиномию необщительной общительности как раз и создало людей. Одним из ее важнейших результатов и является понимание в процессе общения.

Хотя животным свойственны весьма развитые формы коммуникации и даже социальности, они приурочены к переживаемому моменту и контексту. Только у самых развитых она очень зыбко и ненадежно подкреплена памятью, увы, остающейся зависимой от контекстов и моментов времени. За пределы своего непосредственно наличного существования животные не выходят. Иное дело люди. Радикальный сдвиг они осуществили, когда удвоили свою прежнюю память, освоив коммуникационные (проторечь) и ментальные (протомышление) практики. Речь о контекстуальной *online* памяти и не связанной контекстами, освобожденной от них *offline* памяти о памяти. Это функционирующая *offline* система языка, обеспечивающая деконтекстуализацию общения и превращения проторечи в *online* речь. Это также *offline* система мышления (*mind*), обеспечивающая социализацию менальностей и превращение их в *online* мышление, мыслительные процессы.

В результате такого удвоения одни *online* ментальные акты замкнутого человеческого мира могут с помощью *offline* мышления и дублирующей его *offline* системы языка превращаться одновременно в его же внутреннюю *online* речь и во внешние *online* речевые акты. Эти речевые акты могут с помощью *offline* системы языка другого замкнутого человеческого мира трансформироваться в акты уже его внутренней речи, а с помощью *offline* мышления еще и в *online* мыслительные акты. Возникает многоступенчатая передача или перевод мыслей от ума к уму, от тела к телу, от организации к организации, от института к институту. Это, впрочем, дело мультидисциплинарной сферы политической и, шире, социальной семиотики [Hodge, Kress 1988; Ильин, Фомин 2018].

Так вот этот многосоставный и пошаговый процесс, представленный в виде маятниковых движений между *online* и *offline* соответствиями, и является не чем иным, как переводом, переносом, трансфером, метафорой. Разумеется, на деле он значительно сложнее простенькой схемы. Достаточно сказать, что в переводе участвует еще и пара *online* и *offline* памяти. Более того, старые коммуникационные и ментальные практики контекстуального общения никуда не исчезают, а служат основой и, если угодно, лоном, активной средой нового языкового и разумного общения. С их помощью верхний слой общения постоянно контекстуализуется, проверяется, заземляется, чтобы быть эффективным здесь и сейчас.

Перевод – взаимодействие общающихся

Фундаментальность перевода объясняется тем, что само общение строится на взаимодействии общающихся, на передаче информации и знаний. Было бы опрометчиво сводить общение к простому взаимодействию двух аппаратов – А и В. Уже в ходе мышления человек вовлечен в общение с самим собой. Он “выходит из себя” и обретает способность послать информацию от себя прошлого себе будущему, от себя незнающего к познающему. Все базовые процедуры перевода, связанные с трансфером и метафоризацией, соблюдаются, однако средства и степень его опосредованности интериоризованы и еще недостаточно исследованы при всех новейших достижениях нейронауки.

Межличностное общение, а значит и перевод, предполагают использование экстериоризованных средств (звуки, жесты). Экстериоризуются не только *online*-сигналы, но также *offline*-средства кодирования, которые по определению способны использоваться не только непосредственно общающимися, но всей совокупностью использующих совместные *offline*-коды людей. Это ведет к образованию коллективных субъектов общения. Впрочем, их субъектность формируется постепенно, хотя и опережая образование индивидуальной субъектности. Прежде всего возникает категория первого и второго лица. Затем происходит грамматическое их выражение (ср. позднее создание именительного падежа в эволюционной типологии языков [Лосев 1982: 333-343]) и, наконец, завершает этот процесс идентификация и концептуализация субъектов. Затем сходные алгоритмы развития повторяются в рамках больших эпох социальной эволюции, завершаясь уже в условиях модернизации формированием идентичности и субъектности автономного индивида и гражданина, обладающего правами человека, а также государств и наций.

В этой высшей к настоящему времени фазе развития современное политическое мышление и язык создают семиотическую оппозицию *public – private*, которая одновременно политически институционализуется. Данная оппозиция представляет значительную трудность для перевода с новоевропейских языков на русский. Связанные с этим проблемы будут рассмотрены в специальных статьях серии "Трудности перевода", посвященных отдельно этой оппозиции и соответствующей политической терминологии, а также идее социальной и политической субъектности (*agency*) и терминам *актор, агент, деятель* и т.п.

Принципиальные контуры и схемы трансфера информации и представлений из одного сознания в другое существенно варьируются в ходе общения в зависимости от времени и места. Общение и понимание людьми друг друга происходит в конкретных сообществах и пространствах. Обычно трудности возникают уже при попытке идентифицировать партнера или предложить свою собственную самоидентификацию.

Характерный пример – это бурные политические дебаты на всем пространстве географической Европы и ее частей, начавшиеся на рубеже 1980-х и 1990-х годов и продолжающиеся с разной интенсивностью в разных контекстах до сих пор. Взаимодействия и переводы разворачиваются *внутри* большого европейского пространства и *между* его сегментами (национально-языковыми, социальными, политическими, культурными и проч.). Наблюдаются попытки делать это *вместе* в различных сочетаниях. В центре этих дебатов – динамические изменения этих плотно связанных пространств, различное понимание природы изменений и самих пространств, а также способы идентификации и того, и другого, в том числе терминов, лейблов, ходячих словечек и выражений. Они включали такие термины, как *Европа*, *Запад*, *Восток*, *свободный мир*, *социалистический лагерь*, а также *НАТО*, *Варшавский договор*, *ЕЭС*, *Общий рынок*, *СЭВ* и т.п. Разумеется, по большей части все эти выражения и термины были деформированы обиходным употреблением и "забалтыванием" до когнитивной редукции и превращения их в *keywords*, *bywords*, *catchphrases*, *Schlagwörter* и, наконец, в *buzzwords* (жужжалки)[13].

[13] Подобные образования являются деформированными знаками, где предельное в нормальных условиях взаимно однозначное соответствие превращается в ненормально суженное фокусирование на редуцированных до угрозы полного исчезновения значениях и смыслах.

Помимо смысловой и когнитивной редукции ситуация осложнялась тем, что дискурсы, в которых использовались эти *жужжалки,* были не только разноплановыми и разномасштабными, но при всех их фактических пересечениях коммуникативно закрытыми. Иными словами, самые разные люди от политиков и журналистов до социальных активистов или от ученых и юристов до предпринимателей как будто бы вступали в диалог на разных площадках, но при этом были обречены на непонимание и еще большее отчуждение, чем прежде. Даже в тех случаях, когда дискурсы формировались вокруг, казалось бы, объединяющих тем и ключевых понятий, сбои и потери при переводе и коммуникации были весьма существенными. Характерные примеры связаны с обсуждением судьбы Европы, самих ее характеристик и параметров: Европа как понятие одновременно или параллельно трактовалась и как географический локус, и как политический проект и, наконец, как особая темпоральность или эволюционный эон Модерна. Весьма характерными были и остаются понятийные категории (в лучшем случае) и жужжалки (в худшем), представленные выражениями типа *возвращение в Европу* и *общий европейский дом* [Chilton, Ilyin 1993; Chilton 1996; Musolff 2000; Musolff 2017] и т.п.

Понятия Европа, Евразия, Россия станут предметом отдельных статей нашей серии.

Искусство перевода

Учет “величины”, а точнее масштабности субъектов общения, позволяет по-новому взглянуть на соотношение отдельных элементарных знаков, таких как слова, и целостных речевых актов, таких как тексты и дискурсы. Мы привыкли идти от знака к высказыванию, однако обратный путь куда естественнее. Как учатся общаться дети? Они усваивают прежде всего контексты и целостные мультимодальные взаимодействия с родителями. Лишь затем происходит вычленение в них речевых синтагм, слов, морфем и звуков. Ровно противоположный путь, чем тот, что привычен нам по опыту школьного обучения – от букв, к складыванию их в слова, слов в предложения и т.п.

Естественнее было бы не идентифицировать знак со словом. Такая привычка – результат лингвистического доминирования в семиотике. Тексты и дискурсы с не меньшим, если ни большим основанием могут рассматриваться как знаки. Внутреннюю структуру знаков от мельчайших до самых масштабных образуют не только бинарные (чем Соссюр был вынужден и далее разделять обозначаемое, например, на значение и значимость), но и тернарные отношения. Это было показано еще Чарльзом Сэндерсом Пирсом и Готлобом Фреге. Фреге куда последовательнее, чем Соссюр, различал смысл (*Sinn*) и значение (*Bedeutung*), т.е. референцию [Frege 1892]. Смысл связан с содержательным пониманием термина, а значение – с его соотнесенностью с окружающим миром вещей и явлений. Фреге выделяет медиатор, опосредующий отношения смысла и значения. Это знак (*Zeichen*), который может предстать в виде имен, словосочетаний, графических значков (*Namen*, *Wortverbindung*, *Schriftzeichen*) [ibid.: 26] и, добавим, текстов и речевых актов. Здесь мы уже имеем дело с тринарными схемами, или триадами. Фактически Фреге создал *семантический треугольник*: знак – смысл – значение.

Каждый из элементов триады или вершин семантического треугольника выступает в качестве агента, опосредующего отношения двух других вершин.

Прямые отношения, вопреки распространенному и на первый взгляд естественному предрассудку, невозможны. Они допустимы лишь при использовании "замороженной" абстрактной схемы. На практике всегда нужен посредник, так как живые процессы предполагают безостановочный "перевод" смыслов в значения через знаки, знаков в смыслы через значения и т.п.

Круговорот "переводов" предполагает, что каждый оборот сопряжен с обновлением, модификацией смыслов, значений и знаков. В политической науке это отчетливо видно в циклах оспаривания терминологии. Так, углубление понимания современной демократии привело сначала к появлению термина *полиархия*, а затем и более специфических вариантов "демократии с прилагательными". Сходным же образом управляемость (*governance*) сначала породила доброе правление (*good governance*), а потом и достаточно хорошую управляемость (*good enough governance*).

Наконец, при семиотическом круговороте затрагивается самый базовый уровень практик и институтов. При прямолинейном "переводе" зачастую происходят "подмены". Один институт рассматривается как полный аналог или замена другому. При всей близости институтов и практик, например, сопрягаемых с теми или иными материальными объектами, трактовка практик собственности, владения, распоряжения, пользования, эксплуатации и т.п. как взаимозаменяемых возможна лишь в очень узком диапазоне случаев. По большей части возникают существенные различения. Хорошим примером является само понятие *политика*. Еще в античной Элладе оно оформило как абстрактное существительное (номинализировало) разного рода атрибуты и приметы организационных и властных практик в полисах. В современных условиях оно породило трудную для перевода триаду *politics*, *polity*, *policy*. Кроме того, в политической философии используется понятие *политическое*, а в политической и административной науках еще одно понятие – *полиция*.

Заключение

Трудности перевода, а фактически адекватного понимания друг друга и самих себя в ходе политических взаимодействий и политических исследований, порождены целым набором причин. Дело заключается вовсе не в подборе слов, а в поиске адекватных соответствий между нашими мысленными представлениями и тем, к чему они относятся. Разумеется, четкие термины были бы лучшим посредником, однако даже самые удачные термины неидеальны. Фактически, поиски соответствий идут на разных уровнях и включают не только слова, но и целые выражения и грамматические конструкции, ассоциации и т.п.

Решение проблем перевода всегда неокончательно и паллиативно. Оно напоминает нескончаемый сизифов труд, образуемый циклами вращения в семиотическом треугольнике. Особую роль в этом коловращении занимают уже упоминавшиеся логономические практики и речевые акты. Именно на них будет обращено внимание в последующих статьях серии "Трудности перевода". Описания и анализ ключевых политических понятий и концептов [Демьянков 2001; Демьянков 2007; Демьянков 2009], связанных с ними терминов, слов и выражений будут строиться примерно по следующей схеме. Естественно, в силу специфики каждого казуса неизбежны отступления от схемы, однако в основных своих чертах она последовательно используется.

Для каждого конкретного случая в первую очередь проясняется его специфика и необходимые отклонения от общей схемы изложения. Приводятся наиболее яркие примеры трудностей перевода. Затем дается обзор нынешних трактовок понятий и терминов, а также связанных с ними политических явлений. Где это возможно и уместно, представляются наиболее удачные примеры их изучения в политической науке, используемый для этого понятийный и терминологический аппарат, способы операционализации, теоретические и эмпирические модели, примеры использования в соответствующих исследовательских проектах.

Следующим шагом является системное описание основных вех стержневой концептной истории (*Begriffsgeschichte*, *conceptual history*) или историй. Параллельно и выборочно приводятся данные из истории соответствующих терминов, слов и выражений. Как правило, эти истории так или иначе вписываются в интеллектуальную традицию, идущую от греко-римской античности через Средние века к современности – порой с кратким экскурсом в этимологию и древнейшие истоки, обычно индоевропейские. Такой перекос (*bias*) вызван тем, что формирование когнитивного, понятийного и лексического аппарата современной политической науки связано именно с данной традицией, с тем, что в мире *lingua franca* современной политической науки доминирует английский язык, а в нашей стране – русский.

В каждом разделе будет даваться анализ схождений и расхождений в трактовке соответствующих понятий в мировой и отечественной традициях. Далее будет идти раздел о специфике трактовок анализируемых понятий и явлений в иных традициях от периферий индоевропейского культурно-исторического ареала до ближневосточных, дальневосточных и иных интеллектуальных традиций.

Завершаться каждый очерк будет обзором трудностей и возможностей перевода с учетом выявленных обстоятельств и опыта решения соответствующих проблем.

Первым опытом трактовки и анализа явления, понятия и нашего русского термина станет государство, точнее, современное государство-состояние.

DOI: 10.17976/jpps/2019.05.11

LOST IN TRANSLATION. BEING THE PROBLEM

A.P. Klemeshev[1], M.V. Ilyin[2, 3]

[1]*Immanuel Kant Baltic Federal University. Kaliningrad, Russia*

[2]*National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia*

[3]*Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

KLEMESHEV, Andrey Pavlovich, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Rector, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, email: AKlemeshev@kantiana.ru; **ILYIN, Mikhail Vasilyevich**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Full Professor, National Research University Higher School of Economics; Head of the Center for Advanced Methodologies of Social and Humanitarian Research, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, email: ilyin@politstudies.ru

Klemeshev A.P., Ilyin M.V. Lost in Translation. Being the Problem. – Polis. Political Studies. 2019. No. 5. P. 148-166. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.11

This article was prepared with the support of the Russian Science Foundation, the project No. 17-18-01536.

Received: 23.06.2019. Accepted: 14.07.2019

Abstract. The article highlights challenges and responses to communication failures in politics and political science. In this context, the word *translation* refers to an adequate understanding of each other and oneself in political interactions. By its very nature, it is partial and relative. This ambiguity results from *unsocial sociability* (*ungesellige Geselligkeit*) as outlined by Kant, and corresponds to the principle of incompleteness of phenomena that triggers evolution (Deacon). Still, people at large associate many typical dysfunctions and losses in translation with ill will or technical errors rather than fundamental relativity of human communication. They readily endorse the illusion of one-to-one correspondence of phenomena, terms, their sense and reference. The authors examine the nature and parameters of translation and transfer providing examples like Parson's translation of Weber's *stahlhartes Gehäuse* as *iron cage*, as well as the interpretation of revolution, Europe and Eurasia, governance, polity, politics, policy, and police. Translation and interpretation expounds within fluid interfaces which embroil online political and communicative processes on the one hand and offline institutional and sign systems on the other. The ensuing relativity of translation, interpretation and transfer techniques allows the issue of variability and equivalence of terms and other tools of our communication and understanding to be reconsidered. Finally, the article outlines the format of the series "*Lost in Translation*".

Keywords: institutions, processes, langue, parole, online, offline, agency, translation, interpretation, one-to-one correspondence, variability of terms, sense, reference.

References

Ashworth R., Boyne G., Delbridge R. 2009. Escape from the Iron Cage? Organizational Change and Isomorphic Pressures in the Public Sector. – *Journal of Public Administration Research and Theory*. Vol. 19. No. 1. P. 165-187. https://doi.org/10.1093/jopart/mum038

Axelrod R. 1986. An Evolutionary Approach to Norms. – *American Political Science Review*. Vol. 80. No. 4. P. 1095-1111.

Baehr P. 2001. The "Iron Cage" and the "Shell as Hard as Steel": Parsons, Weber, and the Stahlhartes Gehäuse Metaphor in the Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. – *History and Theory*. Vol. 40. No. 2. P. 153-169.

Boiral O. 2003. ISO 9000: Outside the Iron Cage. – *Organization Science*. Vol. 14. No. 6. P. 720-737.

Breen K. 2016. *Under Weber's Shadow: Modernity, Subjectivity and Politics in Habermas, Arendt and MacIntyre*. London: Routledge. https://doi.org/10.4324/9781315549316

Brentano F. 1874. *Psychologie vom Empirischen Standpunkt*. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot. 350 S.

Baxter R. 1872. *The Saints' Everlasting Rest: Or, A Treatise on the Blessed State of the Saints in Their Enjoinment of God in Heaven*. London, Edinburgh, New York: T. Nelson & Sons.

Carrier A. 2017. *Le grand soir: Voyage dans l'imaginaire révolutionnaire et libertaire de la Belle Epoque*. Paris: Libertalia.

Chalcraft D. 1994. Bringing the Text back in: on Ways of Reading the Iron Cage Metaphor in the Two Editions of The Protestant Ethic. – *Organizing Modernity: New Weberian Perspectives on Work, Organization and Society*. London: Routledge. P. 16-45.

Chilton P., Ilyin M. 1993. Metaphor in Political Discourse: The Case of the 'Common European House'. – *Discourse & Society*. Vol. 4. No. 1. P. 7-31. https://doi.org/10.1177/0957926593004001002

Chilton P.A. 1996. *Security Metaphors: Cold War Discourse from Containment to Common House*. New York: Peter Lang Inc., International Academic Publishers.

Deacon T.W. 2010. A Role for Relaxed Selection in the Evolution of the Language Capacity. – *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. Vol. 107 (Supplement 2). P. 9000-9006. http://dx.doi.org/10.1073/pnas.0914624107

Deacon T.W. 2011. *Incomplete Nature: How Mind Emerged from Matter*. New York, London: W.W. Norton.

Deacon T.W. 2017. Chapter 32. Human Variability and the Origins and Evolution of Language. – *On Human Nature: Biology, Psychology, Ethics, Politics, and Religion*. Ed. by. M. Tibayrenc, F.J. Ayala. London; New York: Academic Press. P. 557-564. https://doi.org/10.1016/B978-0-12-420190-3.00032-6

DiMaggio P.J, Powell W.W. 1983. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. – *American Sociological Review*. Vol. 48. No. 2. P. 147-160. https://doi.org/10.2307/2095101

Douglass R.B. 2016. "Shell as Hard as Steel" (Or, "Iron Cage"): What Exactly Did That Imagery Mean for Weber? – *Journal of Historical Sociology*. Vol. 29. No. 4. P. 503-524. https://doi.org/10.1111/johs.12093

Douglass R.B. 2018. *The Iron Cage Revisited: Max Weber in the Neoliberal Era*. London: Routledge.

Feenberg A. 1998. Escaping the Iron Cage, or, Subversive Rationalization and Democratic Theory. – *Democratising Technology: Ethics, Risk, and Public Debate.* Ed. by R. Schomberg. Tilburg: International Centre for Human and Public Affairs. P. 1-12.

Frege G. 1892. Über Sinn und Bedeutung. – *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*. Band 100. S. 25-50. URL: https://amor.cms.hu-berlin.de/~h2816i3x/Lehre/2006_UE_Klassiker_Semantik/01_Frege_Sinn&Bedeutung.pdf (accessed 08.08.2019).

Gamble A. 2013. *Hayek: The Iron Cage of Liberty*. Hoboken, N.J.: John Wiley & Sons.

Gardiner S.R. (ed.). 1906. *The Constitutional Documents of the Puritan Revolution, 1625-1660.* Oxford: Clarendon Press.

Hodge R., Kress G. 1988. *Social Semiotics*. Cambridge, UK: Polity Press.

Kaelber L. 2002. Max Weber's Protestant Ethic in the 21st Century. – *International Journal of Politics, Culture, and Society.* Vol. 16. No. 1. P. 133-146. https://doi.org/10.1023/A:1016586512595

Kent S.A. 1983. Weber, Goethe, and the Nietzschean Allusion: Capturing the Source of the "Iron Cage" Metaphor. – *Sociological Analysis.* Vol. 44. No. 4. P. 297-319. https://doi.org/10.2307/3711612

Klagge J. 1997. Approaches to the Iron Cage: Reconstructing the Bars of Weber's Metaphor. – *Administration & Society.* Vol. 29. No. 1. P. 63-77. https://doi.org/10.1177/009539979702900104

Lachmann R. 2000. *Capitalists in Spite of Themselves: Elite Conflict and Economic Transitions in Early Modern Europe*. New York: Oxford University Press.

Maley T. 2004. Max Weber and the Iron Cage of Technology. – *Bulletin of Science, Technology & Society*. Vol. 24. No. 1. P. 69-86. https://doi.org/10.1177/0270467604263181

Mitzman A. 1970. *The Iron Cage: An Historical Interpretation of Max Weber*. New York: Alfred A. Knopf. https://doi.org/10.1002/1520-6696(197804)14:2<189::AID-JHBS2300140218>3.0.CO;2-8

Morawski W. 2016. Economic Identities: Four Paths Out of the "Iron Cage". – *Journal of Management and Business Administration. Central Europe*. Vol. 24. No. 4. P. 2-9. https://doi.org/10.7206/jmba.ce.2450-7814.179

Musolff A. 2017. Metaphor and Cultural Cognition. – *Advances in Cultural Linguistics.* Ed. by F. Sharifian. Singapore: Springer. P. 325-344. https://doi.org/10.1007/978-981-10-4056-6_15

Musolff A. 2000. Political Imagery of Europe: A House Without Exit Doors? – *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. Vol. 21. No. 3. P. 216-229. https://doi.org/10.1080/01434630008666402

Ossewaarde M. 2010. Jules Verne's Metaphor of the Iron Cage. – *The European Legacy*. Vol. 15. No. 3. P. 287-300. https://doi.org/10.1080/10848771003783579

Parenti C. 2004. *The Soft Cage: Surveillance in America from Slavery to the War on Terror*. New York: Basic Books.

Pokorny J. 1959. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern; Munich: A. Francke, 1959. Bd. 1. 348 S.

Prasad P., Prasad A. 2000. Stretching the Iron Cage: The Constitution and Implications of Routine Workplace Resistance. – *Organization Science*. Vol. 11. No. 4. P. 387-403.

Rączaszek-Leonardi J., Nomikou I., Rohlfing K. J., Deacon T.W. 2018. Language Development from an Ecological Perspective: Ecologically Valid Ways to Abstract Symbols. – *Ecological Psychology*. Vol. 30. No. 1. P. 39-73. https://doi.org/10.1080/10407413.2017.1410387

Reed M.I. 2005. Beyond the Iron Cage? Bureaucracy and Democracy in the Knowledge Economy and Society. – *The Values of Bureaucracy.* Ed. by Du Gay P. Oxford: Oxford University Press. P. 115-140.

Ritter D.P. 2012. Inside the Iron Cage of Liberalism: International Contexts and Nonviolent Success in the Iranian Revolution. – *Nonviolent Conflict and Civil Resistance* (*Research in Social Movements, Conflicts and Change)*. Vol. 34. Ed. by S. Erickson Nepstad, L. Kurtz. Emerald Group Publishing Limited. P. 95-121. https://doi.org/10.1108/S0163-786X(2012)0000034008

Ross C. 2017. *The Iron Cage: Historical Interpretation of Max Weber*. New York: Routledge. https://doi.org/10.4324/9781315132761

Saussure F. de. 1916. *Cours de linguistique générale.* Ed. par C. Bally, A. Sechehaye, A. Riedlinger. Lausanne; Paris: Payot, 1916.

Simmel G. 1908. *Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung*. Leipzig: Duncker & Humblot.

Scaff L.A. 1989. *Fleeing the Iron Cage: Culture, Politics, and Modernity in the Thought of Max Weber*. Berkeley: University of California Press.

Takahashi N. 2015. Behind the Shell. – *Annals of Business Administrative Science*. Vol. 14. No. 1. P. 1-14. https://doi.org/10.7880/abas.14.1

Tiryakian E.A. 1981. The Sociological Import of a Metaphor: Tracking the Source of Max Weber's "Iron Cage". – *Sociological Inquiry.* Vol. 51. No. 1. P. 27-33. https://doi.org/10.1111/j.1475-682X.1981.tb01022.x

Tribe K. 2007. Talcott Parsons as Translator of Max Weber's Basic Sociological Categories. – *History of European Ideas*. Vol. 33. No. 2. P. 212-233. https://doi.org/10.1016/j.histeuroideas.2006.11.001

Turner St. P. 1982. Bunyan's Cage and Weber's Casing. – *Sociological Inquiry*. Vol. 52. No. 1. P. 84-87. https://doi.org/10.1111/j.1475-682X.1982.tb01240.x

Weber M. 1920. Die Protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. – Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. Band 1*. Tübingen: J.C.B. Mohr. S. 17-206.

Weber M. 1922. *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der Sozialökonomik, Abteilung III*. Tübingen: J.C.B. Mohr. 840 S.

Weber M. 1930. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. London: George Allen & Unwin. 56 p.

Weber M. 1958. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism (translated by Talcott Parsons). New York: Charles Scribner's Sons.

Weber M. 1978. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley, L.A., London: University of California Press.

Yüksel A.H. 2014. Visiting the Iron Cage: Bureaucracy and the Contemporary Workplace. – *Labor and Employment Relations in a Globalized World: New Perspectives on Work, Social Policy and Labor Market Implications*. Ed. by T. Dereli, Y.P. Soykut-Sarica, A. Sen-Tasbasi. Cham, Switzerland: Springer International Publishing. C. 277-289. https://doi.org/10.1007/978-3-319-04349-4_13

Baxter R. 2010. The Reformed Pastor (Russ. ed.: Baxter R. *Reformirovannyi pastor*. Moscow: Tsentr "Narnia").

Dem'yankov V.Z. 2001. Notion and Concept in Fiction and in Scientific Language. – *Voprosy filologii*. No. 1. P. 35-47. (In Russ.)

Dem'yankov V.Z. 2007. Termin "kontsept" kak element terminologicheskoi kul'tury [The Term "Concept" as an Element of Terminological Culture]. – *Yazyk kak materiya smysla: Sbornik statei v chest' akademika N.Yu. Shvedovoi. Pod red. M.V. Lyapon* [Language as a Matter of Meaning: Collection of Articles in Honor of Academician N.Yu. Shvedova. Ed. by M.V. Lyapon]. Moscow: Azbukovnik. P. 606-622. (In Russ.)

Dem'yankov V.Z. 2009. "Concept" in the Philosophy of Language and in Cognitive Linguistics. – *Cognitive Language Studies*. No. 1. P. 29-34. (In Russ.)

Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskii leksicheskii fond [Etymological Dictionary of Slavic Languages: Pre-Slavic Lexical Foundation]. Issue 25. 1999. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Filippov A.F. 2008. Foreword by the Translator. – *Russian Sociological Review*. Vol. 7. No. 2. P. 86-88. (In Russ.)

Ilyin M.V. 2013. Mainstream in Science is Always Yesterday! The Situation in Russian Political Science is Similar to the American One: a Lot of Stars, Even More "Hack workers". – *Russian Political Science Association*. 26.04. (In Russ.) URL: https://www.rapn.ru/in.php?part=7&gr=1623&d=4287 (accessed 08.08.2019).

Ilyin M.V. 2014. "Flaky Pastry" of Politics: Orders, Regimes and Practices. – *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 111-134. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2014.03.08

Ilyin M.V. Fomin I.V. 2018. Sotsial'naya semiotika: Kompleksnoe izuchenie funktsional'nykh i smyslovykh storon obshchestvennykh protsessov i yavlenii [Social Semiotics: A Comprehensive Study of the Functional and Semantic Aspects of Social Processes and Phenomena]. – *METOD: Moskovskii Ezhegodnik Trudov iz Obshchestvovedcheskikh Distsiplin: Sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 8. Obraz i obraznost'. Ot obrazovaniya Vselennoi do obrazovaniya ee issledovatelya* [Moscow Yearbook of Proceedings of Social Studies: A Collection of Scientific Papers. Vol. 8. Image and Imagery. From the Formation of the Universe to the Formation of Its Researcher]. Moscow: INION RAS. Center for Advanced Methodologies of Social and Humanitarian Studies. P. 399-403. (In Russ.)

Kant I. 1993. Idee zu Einer Allgemeinen Geschichte in Weltbürgerlicher Absicht (Russ. ed.: Kant I. Ideya vseobshchei istorii vo vsemirno-grazhdanskom plane. – Kant I. *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh. V 4-kh tomakh. Tom 1. Traktaty i stat'i (1784-1796)*. Moscow: Kami. P. 80-123).

Kant I. 1995. Idee zu Einer Allgemeinen Geschichte in Weltbürgerlicher Absicht (Russ. ed.: Kant I. Ideya vseobshchei istorii vo vsemirno-grazhdanskom plane. – Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniya*. Saint Petersburg: Nauka. P. 421-435).

Lachmann R. 2010. Capitalists in Spite of Themselves: Elite Conflict and Economic Transitions in Early Modern Europe (Russ. ed.: Lachmann R. *Kapitalisty ponevole: konflikt elit i ekonomicheskie preobrazovaniya v Evrope rannego Novogo vremeni*. Moscow: Territoriya budushchego Publishing House).

Losev A.F. 1982. *Znak, simvol, mif: Trudy po yazykoznaniyu* [Sign, Symbol, Myth: Proceedings in Linguistics]. Moscow: Moscow University Press. (In Russ.)

Sossure F. de. 1999. Cours de linguistique generale (Russ. ed.: Sossure F. de. *Kurs obshchei lingvistiki*. Ekaterinburg: Ural University Press).

Weber M. 2016. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie (Russ. ed.: Weber M. *Khozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sotsiologii. Vol. 1. Sotsiologiya*. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House).

Weber M. 2017. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie (Russ. ed.: Weber M. *Khozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sotsiologii. Vol. 2. Obshchnosti*. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House).

Zolyan S.T. 2019. O teorii perevodcheskoi otnositel'nosti [On the Theory of Translation Relativity]. – *METOD: Moskovskii Ezhegodnik Trudov iz Obshchestvovedcheskikh Distsiplin: Sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 9. Metodologicheskie aspekty transdistsiplinarnogo transfera znanii* [Moscow Yearbook of Proceedings of Social Studies: A Collection of Scientific Papers. Vol. 9. Methodological Aspects of the Multidisciplinary Transfer of Knowledge]. Moscow: INION RAS. Center for Advanced Methodologies of Social and Humanitarian Studies (In Press.) (In Russ.)

Литература на русском языке

Бакстер Р. 2010. *Реформированный пастор*. М.: Центр "Нарния".

Вебер М. 2016. *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. 1. Социология*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Вебер М. 2017. *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. 2. Общности*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Демьянков В.З. 2001. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке. – *Вопросы филологии*. № 1. С. 35-47.

Демьянков В.З. 2007. Термин "концепт" как элемент терминологической культуры. – *Язык как материя смысла: Сборник статей в честь академика Н.Ю. Шведовой*. Под ред. М.В. Ляпон. М.: Издательский центр "Азбуковник". С. 606-622.

Демьянков В.З. 2009. "Концепт" в философии языка и в когнитивной лингвистике. – *Когнитивные исследования языка*. № 1. С. 29-34.

Золян С.Т. 2019. О теории переводческой относительности. – *МЕТОД: Московский Ежегодник Трудов из Обществоведческих Дисциплин: Сборник научных трудов. Вып. 9. Методологические аспекты трансдисциплинарного трансфера знаний*. М.: ИНИОН РАН. Центр перспективных методологий социально-гуманитарных исследований. (В печати.)

Ильин М.В. 2013. Мэйнстрим в науке – это всегда вчерашний день! Ситуация в российской политологии похожа на американскую: много звезд, еще больше "халтурщиков". – *РАПН*. 26.04. URL: https://www.rapn.ru/in.php?part=7&gr=1623&d=4287 (accessed 08.08.2019).

Ильин М.В. 2014. Слоеный пирог политики: порядки, режимы и практики. – *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 111-134. https://doi.org/10.17976/jpps/2014.03.08

Ильин М.В., Фомин И.В. 2018. Социальная семиотика: Комплексное изучение функциональных и смысловых сторон общественных процессов и явлений. – *МЕТОД: Московский Ежегодник Трудов из Обществоведческих Дисциплин: Сборник научных трудов. Вып. 8. Образ и образность. От образования Вселенной до образования ее исследователя*. М.: ИНИОН РАН. Центр перспективных методологий социально-гуманитарных исследований. С. 399-403.

Кант И. 1993. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. – Кант И. *Сочинения на немецком и русском языках. В 4-х томах. Т. 1. Трактаты и статьи (1784-1796)*. М.: Издательская фирма АО "Ками". С. 80-123.

Кант И. 1995. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. – Кант И. *Критика способности суждения*. Санкт-Петербург: Наука. С. 421-435.

Лахманн Р. 2010. *Капиталисты поневоле: конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени*. М.: Территория будущего.

Лосев А.Ф. 1982. *Знак, символ, миф: Труды по языкознанию*. М.: Издательство Московского университета.

Соссюр Ф. де. 1999. *Курс общей лингвистики*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета.

Филиппов А.Ф. 2008. Предисловие переводчика. – *Социологическое обозрение*. Т. 7. № 2. С. 86-88.

Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. 1999. Вып. 25. М.: Наука.